

ПОСЛЕ ЧЕЛОВЕКА

КЕМ МЫ БЫЛИ. КЕМ СТАЛИ. КЕМ МОЖЕМ БЫТЬ.

ОДНА ИСТОРИЯ. ТРИ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ОБЩЕЕ ПРОШЛОЕ.
ВЫБОР, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ БУДУЩЕЕ.

НАСТОЯЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПРАВДЫ

Л. П. Нос

После человека

«Автор»

2026

Нос Л. П.

После человека / Л. П. Нос — «Автор», 2026

За тысячелетия люди изменили тела, продлили жизнь, доверили разум машинам и создали цивилизации, которые больше не считают себя частью человеческой истории. Инженер на Земле обнаруживает следы неизвестной цивилизации. Учёные находят невозможное. Киборги пытаются спастись. Искусственный интеллект хранит знания, способные изменить представление о развитии разумной жизни. В разных уголках космоса происходят события, которые сначала кажутся несвязанными: исчезают поколения, рушатся системы, возникают новые формы жизни, возвращаются старые конфликты. Каждый рассказчик видит лишь часть происходящего. Для одних это история спасения, для других — вторжения, для третьих — закономерный результат решений, принятых много веков назад. Постепенно фрагменты складываются в единую картину. Но чем ближе герои к истине, тем труднее ответить: где заканчивается человек и начинается нечто новое? Если тело можно заменить, память переписать, а цивилизацию построить заново — что остаётся неизменным?

© Нос Л. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«После человека»	5
Авторское предисловие	6
Глава 1. Идеально здоровое тело	7
Глава 2. Донос сына	11
Глава 3. Первая запись после переноса	15
Глава 4. КУБ	19
Глава 5. Подземный город	24
Глава 6. Дети Земли	29
Глава 7. Жатва	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Л. Нос
После человека
«После человека»

Авторское предисловие

Эта история начинается с человека.

Не с цивилизации, не с великого открытия и не с далёкой звезды. С человека — с его памяти, страха, надежды и желания понять, что с ним происходит.

А дальше всё становится сложнее.

Эта книга устроена не как прямая дорога, на которой одна глава послушно следует за другой. Скорее, она похожа на мозаику. Сначала перед вами появляются отдельные фрагменты: человек, событие, разговор, воспоминание, странная находка, история целой цивилизации. Каждый из них кажется самостоятельным. Иногда даже может показаться, что речь идёт о совершенно разных историях.

Это сделано намеренно.

Одни рассказчики знают больше, чем говорит их история. Другие знают меньше, чем им кажется. Некоторые события получают объяснение только много позже, когда читатель уже успел составить о них собственное мнение. А то, что в одном месте выглядит очевидным, спустя несколько глав может оказаться лишь одной стороной происходившего.

Поэтому я прошу об одной вещи: не торопитесь искать единственную правильную картину с самого начала.

Если в первых главах что-то кажется странным, неясным или даже не связанным с тем, что было раньше, — запомните это ощущение. Возможно, перед вами пока только один кусочек мозаики.

В этой истории нет рассказчика, который знает всё и заранее объяснит читателю устройство мира. Каждый говорит из своего времени, своего опыта и своих ограничений. Именно поэтому одна и та же история может выглядеть совершенно по-разному для разных её участников.

Постепенно расстояния между фрагментами начнут сокращаться.

То, что казалось случайностью, получит контекст. То, что казалось чужим, окажется знакомым. Некоторые ответы появятся тогда, когда вы уже перестанете их ждать. А некоторые вопросы, напротив, останутся с вами дольше, чем хотелось бы.

Мне хотелось, чтобы читатель проходил этот путь вместе с героями: сначала видел только небольшой участок мира, затем замечал связи, которых ещё не видят они, и наконец получал возможность собрать собственную картину.

Поэтому не пугайтесь, если в начале вам кажется, что перед вами несколько разных историй.

Это одна история. Просто вы пока видите её фрагментами.

И, возможно, именно так человечество всегда и узнаёт правду — не целиком, а по кусочкам.

Соберите их.

Глава 1. Идеально здоровое тело

Дорогая мама, привет! Я давно тебе не писал.

По телефону я всё равно не смог бы рассказать тебе то, что произошло. Не потому, что мне запрещено говорить — хотя многое действительно запрещено, — а потому, что некоторые вещи невозможно нормально объяснить, когда между людьми всего несколько минут разговора.

У меня хорошие новости. Я могу приехать домой. Правда, есть одна проблема: я боюсь, что ты меня не узнаешь.

Поэтому решил сначала написать. Если честно, мама, я сам себя иногда не узнаю.

Хочу рассказать тебе всё с самого начала. Наверное, так будет проще. За последние три месяца произошло столько всего, что для меня они оказались насыщеннее, чем все мои двадцать пять лет до этого.

Началось всё с конкурса фармацевтической корпорации Вайнштейна. Я знаю, что ты бы не хотела, чтобы мы с братом туда ехали.

И знаю, что после того, как забрали отца по донорской программе, тебе вообще не хотелось слышать фамилию Вайнштейн.

Но тогда у нас почти не было выбора. Мы ведь уже не жили, мама. Мы существовали.

Ели заменители мяса, которые мясом назывались только на упаковке. Овощи выращивали из генетически модифицированных семян, дающих урожай один раз, а потом требующих новых семян. Даже еда стала однообразной.

Помнишь, как отец говорил, что раньше человек мог посадить помидор и получить семена для следующего года?

Я тогда думал, что он преувеличивает. Теперь понимаю, что он просто помнил нормальную жизнь.

А медицина... Про неё я вообще молчу. Формально она была бесплатной. На деле бесплатной она была только для тех, у кого имелось что отдать взамен.

Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Донорская программа. Год назад отец ушёл туда и больше не вернулся.

Нам сказали, что он выполнил гражданский долг. Мне до сих пор интересно, как можно назвать долгом то, после чего человек перестаёт быть человеком.

Но тогда я ещё не собирался спорить с системой. Я хотел только выбраться из неё. И тут мы увидели объявление о конкурсе.

«Поиск идеально здорового человека».

Главный приз — исполнение любого желания победителя. Даже сейчас, когда я знаю, чем всё закончилось, эта формулировка кажется мне какой-то детской.

Любого желания. Мы с братом оба понимали, что шансов почти нет.

Участвовать могли тысячи людей со всего мира, а отбор проходил по каким-то невероятным медицинским параметрам: генетика, иммунитет, состояние органов, нервной системы, физическая выносливость, психика.

Но ты сама когда-то сказала нам, что в нашем районе выживали только здоровые. Не потому, что там была хорошая медицина.

Наоборот. Просто слабые долго не выдерживали. Мы решили рискнуть. Оставалась только одна проблема — билеты до столицы.

Денег у нас не было. Совсем. И тогда мы сделали то, за что ты наверняка нас сейчас отругаешь. Мы нашли бизнесмена, который согласился оплатить дорогу.

В обмен на договор. Через год мы должны были вернуть деньги. Или каждый из нас должен был отдать ему один орган.

Любой, какой он выберет. Мы тогда даже смеялись. Представляли, как через год будем выбирать, чем нам меньше всего хочется пожертвовать.

Сейчас мне не смешно. Но мы подписали. И поехали.

Столица оказалась совсем не такой, какой я её представлял. Ты даже не представляешь, насколько огромным был этот город.

Мы столько лет смотрели на него через экраны, что казалось, будто знаем его. Не знали. Виртуальная модель города давала расстояния.

Видео давали здания. Очки давали возможность пройтись по улицам.

Но ни одна из этих вещей не давала главного — ощущения, что ты находишься внутри чего-то настолько большого, что сам становишься маленьким.

Я впервые понял, что такое настоящая высота, когда поднял голову возле центральной башни.

И впервые подумал:

Неужели я действительно жил в одном мире с этим местом и ничего об этом не знал? Конкурс проходил несколько дней.

Испытания сменяли друг друга. Нас проверяли так, будто собирались купить не человека, а планету.

Кровь. ДНК. Сердце. Лёгкие. Зрение. Слух. Реакция. Память. Стресс. Сон. Психика. Я уже перестал понимать, сколько раз меня просили открыть рот.

Брат держался лучше. Он всегда был спокойнее меня. В итоге мы оба прошли в финал. Когда я увидел его рядом с собой на последнем этапе, мне почему-то стало страшно.

До этого конкурс казался игрой. А тут вдруг выяснилось, что один из нас действительно может выиграть.

И неизвестно что именно. Перед финалом с нами разговаривал сам Роберт Вайнштейн. Да. Тот самый.

Человека, чьё лицо мы привыкли видеть буквально везде. Он вошёл без свиты, без торжественной музыки, без всего того, что я ожидал увидеть.

Просто старик. Очень хорошо сохранившийся старик.

Он посмотрел на нас обоих и сказал:

— Мои специалисты не смогли определить, кто из вас физически и психически здоровее.

Я сначала решил, что это шутка. Но он не улыбался.

— Поэтому последний этап определите вы сами.

Он немного помолчал.

— Что бы вы сделали с бедностью, если бы были на моём месте?

Я помню этот вопрос до сих пор. Наверное, потому что тогда я впервые почувствовал, что от моего ответа действительно что-то зависит.

Я сказал:

— Ничего.

Он поднял бровь.

— Ничего?

— Бедность невозможно просто отменить. Можно помочь человеку изменить своё положение. Дать образование тем, кто действительно хочет учиться. Если человек достаточно сильный духом и не совсем тупой, он воспользуется возможностью. А если нет... — я пожал плечами. — Значит, его всё равно не исправить.

Вайнштейн несколько секунд смотрел на меня.

Потом сказал:

— Смотри, мальчик мой. Не подведи меня. Потому что у тебя будет такая возможность.

Я не понял, что он имел в виду. Брат ответил что-то своё. До сих пор не знаю что. Через несколько минут объявили победителя.

Им оказался я.

На церемонии награждения я уже почти не слушал ведущего. Меня интересовало только одно. Обещание.

Любое желание. Я решил проверить, насколько Вайнштейн действительно держит слово. Первым желанием я попросил принять на работу меня и брата.

Причём не туда, где я должен был осматривать доноров или помогать хирургам вырезать органы. Я хотел заниматься наукой.

И хотел работать рядом с самим Вайнштейном. Он согласился.

Моя новая должность называлась:

«Младший научный сотрудник — младший помощник генерального директора».

Звучало солидно.

По факту я оказался человеком, который носит документы, присутствует на совещаниях, проходит обучение и большую часть времени не делает ничего.

Через месяц мне стало скучно. Тогда я решил проверить второе желание.

Я пришёл к Вайнштейну и сказал:

— Вы обещали исполнить любое желание.

— Обещал.

— Я хочу всё ваше имущество.

Он даже не переспросил. Все деньги. Дома. Счета. Замороженные органы. Всё. Я ожидал хотя бы смеха.

Или отказа. Он вызвал нотариуса. Через полчаса я стал владельцем имущества Роберта Вайнштейна. Я сидел и смотрел на документы, пытаясь понять, что произошло.

Человек только что отдал мне всё. Просто потому, что я попросил.

Когда нотариус ушёл, Вайнштейн спросил:

— И что ты собираешься с этим делать?

Я ответил честно:

— Помочь людям.

Он посмотрел на меня.

— Как?

И вот тут я впервые понял, что сам не знаю. Я хотел дать образование тем, кому его не хватало. Но как?

Бесплатное? Тогда люди не будут ценить его. Принудительное? Тогда это уже не образование, а ещё одна форма рабства.

Платное? Тогда оно достанется тем, у кого и так есть деньги. Кредит? Я слишком хорошо знал, чем заканчиваются кредиты для бедных.

Это будет просто другая форма зависимости. Я месяц ходил с этими мыслями.

И чем больше думал, тем сильнее понимал, насколько легко придумать красивое решение и насколько трудно сделать его настоящим.

В конце концов я пришёл к Вайнштейну снова. К тому моменту у него уже ничего не осталось. Кроме компании.

Я сказал:

— Я хочу стать вами.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Точнее?

Я усмехнулся.

— Хочу стать директором вашей корпорации.

Он кивнул.

— Хорошо.

На следующий день вышел приказ о моём назначении.

Я проснулся ночью. И сразу понял, что что-то не так. Сначала даже не понял что. Просто лежал и смотрел в потолок.

Потом попытался поднять руку. Поднял. Повернул голову. Сел. И почувствовал странную тяжесть в груди.

Я встал и пошёл к зеркалу. И замер. На меня смотрел Роберт Вайнштейн. Я отшатнулся. Зеркало, конечно, отшатнуться не могло.

Он просто продолжал смотреть. Я коснулся лица. Отражение сделало то же самое. Провёл пальцами по волосам.

Открыл рот. Закрыл. Это было моё движение. Но не моё лицо. Не мои руки. Не моё тело. Я начал кричать.

И вдруг понял, что голос тоже не мой. Тогда до меня дошло. Я не стал Вайнштейном. Я оказался в его теле.

Я вспомнил всё, что знал о людях его уровня. Клоны. Запасные органы. Медицинские резервные системы.

Тела, выращенные специально для замены повреждённых. Всё это должно было быть. Но когда я посмотрел на себя внимательнее, понял ещё одну вещь.

Никаких запасных органов не было. Никаких десятков молодых тел. Ничего. Только я. В его теле. В его жизни.

С его именем. С его деньгами. С его компанией. И с пониманием, которое пришло слишком поздно. Он действительно выполнил все мои желания.

Я хотел работать с ним. Работал. Я хотел его имущество. Получил. Я хотел стать им. Стал. Вайнштейн не нарушил ни одного обещания.

Он даже не солгал. Это я сам оказался настолько глуп, что не спросил, что именно означает «стать Вайнштейном».

Теперь мне остаётся только приехать домой. Я не знаю, как ты отреагируешь, когда увидишь меня. Поэтому и пишу это письмо.

Не пугайся. Под лицом этого старика всё ещё я. Твой сын. Я очень надеюсь, что ты сможешь это увидеть.

И, мама... Прости, что так долго не писал. Твой сын.

Глава 2. Донос сына

Главному редактору независимого новостного онлайн-источника «Объективный мир»
Добрый день. К сожалению, я не могу обратиться к вам по имени и отчеству.

Не потому, что не знаю, как вас зовут. Просто никто не знает. По крайней мере, официально. Наверное, именно поэтому я и решил написать вам.

Вы единственный человек, которому, как мне кажется, можно отправить подобное письмо. Я — сын Роберта Вайнштейна.

Да.

И прежде чем вы решите, что это очередная попытка какого-нибудь сумасшедшего заработать на имени моего отца, сразу скажу: денег мне не нужно.

Точнее, нужны. Но уже не от него. И это, наверное, одна из причин, почему я наконец решил рассказать всё.

Теперь, когда он... Впрочем, нет. Давайте начнём сначала. С моего отца.

Роберт Вайнштейн всегда считал себя великим человеком. Он никогда не говорил это прямо. В этом как раз и заключалась его особенность.

Он не говорил:

«Я великий».

Он говорил:

«Это очевидно».

Разница небольшая. Но если вы когда-нибудь встретите человека, который действительно считает себя великим, запомните её.

Обычный самовлюблённый идиот постоянно рассказывает, какой он замечательный. Вайнштейн ничего не рассказывал.

Он просто ожидал, что остальные сами это поймут. Он был учёным. Так он себя называл. Хотя я бы назвал его иначе.

Экспериментатором. Причём экспериментатором, которому совершенно неинтересно, что происходит с подопытными.

Я знаю это не из газет. Я вырос рядом с ним. Вернее, насколько вообще можно сказать «рядом». Отец никогда не был человеком, который приходит домой и спрашивает:

— Как прошёл твой день?

У него были исследования. Совещания. Лаборатории. Студенты. Военные. Какие-то старые языки. Какие-то металлические предметы.

Какие-то проекты, о которых нельзя было говорить.

И постоянно одно и то же:

— Потом.

Когда-нибудь он объяснит. Когда-нибудь у него будет время. Когда-нибудь я пойму, чем именно он занимается.

Не случилось.

Вы можете спросить, почему я молчал столько лет. Отвечу. Потому что я был его сыном. Этого достаточно.

Когда твой отец — человек, чьё имя знают практически все, очень трудно сказать:

«Мой отец чудовище».

Люди сначала смотрят на тебя. Потом на фамилию. Потом снова на тебя. И почему-то решают, что проблема, скорее всего, в тебе.

Я привык. Даже когда он делал что-то совершенно очевидное, я всё равно находил ему оправдание. Отец устал.

Отец занят. Отец работает ради будущего. Отец хочет сделать мир лучше. Отец просто не умеет общаться с людьми.

Последнее, кстати, правда. Он действительно не умеет. Но я слишком долго принимал отсутствие человеческих чувств за научную сосредоточенность.

Теперь о том, что я знаю. Мой отец занимался исследованиями, о которых общественность почти ничего не знает.

Он работал с древними языками. Искал способы расшифровывать неизвестные системы письменности. Исследовал человеческую память.

Изучал мозг. Работал с технологиями, которые тогда ещё даже не имели нормального названия. И всё это при том, что официально он был просто учёным и руководителем огромной корпорации.

Очень удобно. Можно заниматься чем угодно. Главное — назвать это исследованием.

Я помню, как однажды спросил его:

— Пап, а зачем тебе всё это?

Он посмотрел на меня так, будто я задал самый глупый вопрос в своей жизни.

— Потому что неизвестное существует.

Вот и весь ответ. Я тогда засмеялся. Он не засмеялся. Сейчас я понимаю почему. Для него неизвестное было не чем-то, чего стоит бояться.

Это была задача. А человек, который видит весь мир как задачу, рано или поздно начинает считать задачами и людей.

Есть ещё одна вещь. Я долго не решался об этом говорить. Потому что доказательств у меня немного.

Но я уверен, что это важно. Мой отец не просто изучал человеческий мозг. Он вмешивался в него. Без разрешения.

Я не знаю, сколько людей через это прошло. Не знаю, зачем именно он это делал. Но знаю, что делал.

И если вы решите опубликовать это письмо, я хочу, чтобы вы написали именно так. Вайнштейн изменял память людей.

Не метафорически. Не психологически. Физически. Он мог что-то добавить. Что-то убрать. Что-то заменить.

Человек мог выйти из его лаборатории и искренне считать воспоминанием то, чего никогда не происходило.

Понимаете, насколько это страшно? Можно уничтожить человеку жизнь, не убивая его. Достаточно сделать так, чтобы он сам больше не помнил, кем был.

Я не знаю, зачем отец это делал. И вот здесь начинается самое неприятное. Потому что раньше я думал, что знаю его.

Теперь понимаю, что не знаю вообще. Я даже не уверен, что человек, которого я называл отцом, сам всегда понимал, куда идёт.

Возможно, он действительно считал, что делает мир лучше. Это не оправдывает его. Но объясняет некоторые вещи.

И я ненавижу то, что должен это признать.

У меня была одна попытка поговорить с ним нормально. Я спросил его, почему он никогда не бывает дома.

Он ответил:

— Ты хочешь лёгкой жизни.

Я сказал:

— Я хочу отца.

Он промолчал.

Потом сказал:

— Лёгкая жизнь делает людей слабыми.

Я не понял. До сих пор не понял. Наверное, он действительно считал, что делает меня сильнее. Но знаете, что происходит, когда отец пытается сделать сына сильнее таким способом?

Сын просто учится его ненавидеть.

Теперь я расскажу то, что стало последней каплей. Отец отправил меня на Луну. Он утверждал, что это безопасно.

Что технологии уже позволяют защитить человека от радиации. Я не хотел. Он настоял. И это было не приглашение.

Когда Вайнштейн говорит:

«Ты полетишь»,

это не означает, что существует вариант «нет». Я вернулся. И после этого окончательно понял, что ему нельзя доверять.

Не потому, что со мной что-то случилось. А потому, что он был абсолютно уверен в собственной правоте.

Это страшнее ошибки. Ошибиться может любой. Но человек, который никогда не сомневается в себе, способен сделать что угодно.

Я долго собирал всё, что мог. Документы. Старые записи. Письма. Фрагменты исследований. Имена людей, которые работали с отцом.

Названия проектов. Даты. Я не знаю, что из этого вы сможете проверить. Но я знаю одно. Если вы действительно независимый источник, вы обязаны это опубликовать.

Потому что люди имеют право знать, кто такой Роберт Вайнштейн. Не тот Вайнштейн, которого показывают по телевидению.

Не гения. Не благотворителя. Не великого учёного. А настоящего. Человека, который считает человеческий мозг инструментом.

Человека, который вмешивается в чужую память. Человека, который всю жизнь ставит эксперименты над другими людьми.

Человека, которому всегда было важнее получить ответ, чем подумать, что будет с тем, на ком этот ответ получен.

Я знаю, что вы можете не поверить. Поэтому я приложил материалы. Если этого недостаточно — скажите.

Я найду ещё. Если вы захотите встретиться — я соглашусь. Только не пытайтесь связаться со мной через официальные каналы.

Мой отец контролирует слишком многое. И да. Если письмо исчезнет — это тоже будет ответом.

Я отправил письмо. Посмотрел на экран.

Статус изменился на:

ОТПРАВЛЕНО. И только тогда понял, что руки у меня дрожат. Я ждал. Минуту. Пять. Десять. Ответа не было.

Я уже собирался закрыть терминал, когда увидел новое сообщение. Не от редакции. От неизвестного адресата.

Всего одна строка:

«Вы уверены, что знаете, чем занимался ваш отец?»

Я перечитал её несколько раз. Потом удалил сообщение. А зря.

Потому что именно тогда впервые подумал:

а что, если я действительно знаю не всё?

Через несколько часов мне передали ещё один документ. Старый. Очень старый. На нём стояла подпись отца.

Я открыл первую страницу.

И прочитал:

«Металлический куб».

Дальше шло описание объекта, найденного на огромной глубине под землёй. Обработанный металл. Непонятные символы.

Язык, которого никто не знал.

И просьба военных:

расшифровать. Я перечитал первую страницу ещё раз. Потом вторую. Потом третью. И вдруг понял, что никогда раньше не видел этого документа.

Хотя считал, что знаю о работе отца почти всё. Я сидел перед экраном и впервые за много лет почувствовал не злость.

Страх. Не за себя. За то, что могло находиться там, глубже всего. Под землёй. И в прошлом моего отца.

Глава 3. Первая запись после переноса

Запись №1 Я, Роберт Вайнштейн, сегодня первый день в моём новом молодом теле. Поэтому начинаю вести дневник.

Не для потомков. Не для истории. И уж точно не потому, что мне внезапно захотелось излить душу.

Мне нужно фиксировать происходящее. Контролировать состояние. Проверить память. Проверить способность писать.

Проверить координацию. И, что особенно интересно, проверить, насколько быстро мозг привыкает к телу, которое ему не принадлежало.

Хотя формулировка «не принадлежало» теперь несколько устарела. Тело моё. По крайней мере юридически.

Физически оно принадлежало другому человеку. Ему двадцать пять. Мне — шестьдесят. Было. Теперь, если смотреть на цифры, мне снова двадцать пять.

Забавно. Всю жизнь человек пытается избавиться от возраста. Я просто избавился от тела. И это, насколько мне известно, первая подобная операция среди ныне живущих людей.

Первая успешная. По крайней мере, первая известная. Это уточнение важно. Слово «первая» вообще довольно опасное.

Оно почти всегда означает: «первая, о которой нам известно».

Начнём с простого. Имя я помню. Роберт Вайнштейн. Дата рождения помню. Место рождения помню. Родителей помню.

Студентов помню. Проекты помню. Куб помню. Сына тоже, к сожалению, помню. Писать могу. Значит, пока всё работает.

Надо проверить более сложные вещи. Память. Ассоциации. Эмоциональные реакции. Мелкую моторику. Скорость обработки информации.

Речь. Равновесие. Сердце. Лёгкие. Зрение. Слух. И самое интересное — взаимодействие старого сознания с новым телом.

Тело здоровое. Идеальное, если пользоваться терминологией конкурса. Двадцать пять лет. Ни одного серьёзного заболевания.

Хорошая генетика. Отличное состояние органов. Именно поэтому я его и выбрал. Хотя слово «выбрал» тоже не совсем точное.

Я организовал конкурс. Разница есть.

Сегодня мне сообщили о доносе сына. Донос — громкое слово. На самом деле он просто написал в новостной канал.

Анонимный. Хотя анонимность в моём случае довольно забавная вещь. Если канал не входит в мою зону влияния, информацию всё равно довольно быстро передали бы мне.

В этом мире обо мне слишком много знают. И слишком многое обо мне не должны знать. Поэтому информация про меня проходит фильтрацию.

Иногда полезную. Иногда раздражающую. Но сын всё равно умудрился обидеться. Он вообще обидчивый.

Слабый. Не сталкивался с настоящими трудностями.

Я неоднократно говорил ему:

лёгкая жизнь не сделает его сильным. Он решил, что я его не люблю. Дети вообще любят путать любовь с комфортом.

Я отправил его на Луну. Он до сих пор считает, что я подверг его опасности. На самом деле он просто не понимает одного очень простого факта.

Никакая защита от радиации не делает Луну безопасной. Он верит в красивые цифры. Я — в накопленные последствия.

Возможно, когда-нибудь он это поймёт. Если перестанет писать доносы.

Забавно, но именно его письмо заставило меня вспомнить то время, когда я ещё преподавал. Я любил преподавать.

Наверное, больше всего мне нравилась не сама работа со студентами, а момент, когда перед тобой появляется неизвестное.

Задача. Язык. Система. Что угодно. Если есть закономерность, её можно найти. Нужно только правильно поставить вопрос.

Именно поэтому я заинтересовался мёртвыми языками. Цивилизации умирают. Языки умирают вместе с ними.

А вместе с языками исчезают ответы на вопросы, которые иногда даже ещё не успели задать. Историю тоже нельзя считать надёжной.

Победитель пишет её. Потом проигравший исчезает. Потом исчезает победитель. Потом исчезает тот, кто переписал историю победителя.

И через несколько столетий никто уже не знает, что происходило на самом деле. Поэтому меня всегда интересовали мёртвые языки.

Не потому, что они красивые. Потому что они упрямые. Мёртвый язык нельзя заставить проголосовать за нужную версию истории.

Наверное, поэтому военные и приехали именно ко мне. Не прислали письмо. Приехали лично. Предложили работу.

Условие было простым:

строжайшая секретность. Я согласился. Мне показали объект. Координатор назвал его «металлическим кубом».

Мне название понравилось. Простое. Точное. И совершенно ничего не объясняющее. Куб нашли случайно.

При бурении. Очень глубоко под землёй. Настолько глубоко, что буровая установка сначала решила, что встретила просто очень неприятный слой породы.

Потом сломали первое долото. Потом второе. Потом третье. После этого решили, что пора посмотреть, во что именно они упёрлись.

Так появился он. Металлический куб. Идеально обработанный. Без единой царапины. После нескольких попыток пробить его буром.

На поверхности были символы. Непохожие ни на один известный нам язык. Поэтому понадобился специалист по мёртвым языкам.

То есть я.

Я не расшифровал эти символы. Это важно. Я не хочу спустя годы читать в каком-нибудь учебнике:

«Роберт Вайнштейн расшифровал древнюю письменность неизвестной цивилизации».

Нет. Не расшифровал. Я понятия не имел, что там написано. Более того, я довольно быстро пришёл к выводу, что это вообще не текст.

Скорее ключ. Комбинация. Способ открыть сейф. Только вот сейф был размером с куб. Я пытался найти закономерность.

Переставлял символы. Сравнивал повторения. Искал структуру. Ничего. Потом куб открылся. До сих пор не знаю как.

Иногда самые важные открытия происходят именно так. Сначала ты годами ищешь решение. Потом решение находится.

А ты стоишь и не понимаешь, что именно сделал.

Дальше начинается неприятная часть. Я не могу описать её точно. Потому что до сих пор не понимаю, что произошло.

То ли меня затащило внутрь куба. То ли внутренности куба каким-то образом оказались во мне. Звучит одинаково бессмысленно.

Но другого объяснения у меня нет. Я видел. Понимал, что происходит. Не мог взаимодействовать. Но почему-то мог управлять собственным телом.

И при этом понимал речь тех, кого видел. Хотя языка не знал. Это было похоже на сон. Только слишком последовательный.

И слишком реальный. Я видел существ. Неорганических. Металлических. Я назвал их исследователями.

Потому что они именно этим и занимались. Исследовали. Они обнаружили нашу планету. Изучали нас.

Пытались понять, какую опасность мы представляем. И как с нами контактировать. Мне неизвестно, откуда они пришли.

Неизвестно, сколько их было. Неизвестно, были ли они отдельными существами или чем-то вроде единой системы.

На тот момент я знал только одно:

они не были людьми.

Потом появился кто-то ещё. Другие роботы. По крайней мере, я пока буду называть их так. Технологически они превосходили первых существ настолько, что сравнивать их было бессмысленно.

Именно они сообщили исследователям то, чего те, судя по всему, не знали. Человечество было их продуктом.

Не метафорически. Не в смысле «мы помогли вам развиваться». Буквально. Люди были выращены. Из части тела, найденной во льдах астероида.

Я несколько раз прокрутил этот момент в памяти. Потому что он звучал настолько нелепо, что я сначала решил, будто неправильно понял.

Но нет. Именно это я увидел. Именно это услышал. Нас сделали.

Исследователям разрешили взять несколько образцов.

С одним условием:

они должны были сообщать о результатах своих исследований. Разумеется, всё пошло не по плану. Они не смогли нормально транспортировать образцы.

Люди умирали. Их технологии не были рассчитаны на такую перевозку. И тогда исследователи начали искать способ избавиться от смертности человека.

Вот это мне уже было интересно. Потому что именно здесь наука перестала быть наблюдением. Она стала вмешательством.

Сначала они пытались собрать идеального человека по частям. Органы. Ткани. Всё самое лучшее. Но органы не приживались.

Тогда они изменили подход. Если нельзя собрать идеального человека из разных людей, надо собрать его из одного.

Из клона. Так появилась новая идея. Создавать человека целиком из генетически совместимых частей одного организма.

Это значительно увеличивало продолжительность жизни. Но старение всё равно продолжалось. А значит, задача оставалась нерешённой.

На этом месте моя запись должна была бы закончиться. Но есть проблема. Я понимаю теперь одну вещь, которой не понимал раньше.

Я всю жизнь думал, что изучаю неизвестное. Оказывается, неизвестное всё это время изучало нас. И, возможно, это самое неприятное открытие в моей жизни.

Не то, что мы не одни. И не то, что человечество могло быть создано. Хуже другое.

Кто-то когда-то посмотрел на человека и решил:

это можно улучшить. Я слишком хорошо знаю, чем обычно заканчиваются такие решения. Особенно если тот, кто принимает решение, уверен, что понимает последствия.

Я сам был таким человеком.

Сегодня у меня новое тело. Первое в истории. Я могу ходить быстрее. Дышать легче. Сердце работает лучше.

Руки не дрожат. Глаза видят то, что раньше требовало очков. И всё это великолепно. Но есть одна мелочь.

Когда я смотрю в зеркало, я вижу не себя. Я вижу двадцатипятилетнего человека. И понимаю, что тело — всего лишь инструмент.

Хороший инструмент. Очень хороший. Но всё-таки инструмент. Сознание осталось прежним. Память осталась прежней.

Я остался прежним. И если это действительно так, значит, самое важное в человеке находится не там, где мы привыкли его искать.

Интересный вывод. Надо будет проверить.

Что касается сына. Пусть пишет. Пусть обвиняет. Пусть считает меня чудовищем. Он имеет на это право.

Хотя, конечно, ошибается. Он просто не знает всей истории. Как и я.

На сегодня достаточно. Завтра продолжу работу с материалами по кубу. Есть ощущение, что я упустил что-то важное.

А если я чему-то и научился за шестьдесят лет, так это следующему:

если неизвестный объект случайно открывается перед тобой после того, как ты годами не мог понять ни одного его символа, — это почти наверняка не случайность.

И я очень хочу узнать, кто именно оставил нам этот куб.

Глава 4. КУБ

Первое, что я почувствовал, — вибрацию. Не страх. Не удивление. И даже не любопытство. Вибрацию.

Она шла по металлической конструкции буровой установки, по полу, по ногам, по зубам. Такое бывает, когда бур встречает особенно плотную породу.

Только порода обычно сдаётся. Эта — нет. Я стоял возле оператора и смотрел на экран.

— Ещё раз.

Оператор повернулся.

— Зачем?

— Ещё раз.

Он пожал плечами и включил установку. Вибрация вернулась. Потом исчезла. На экране появилась ошибка.

Оператор выругался.

— Долото опять всё.

— Сколько?

— Не знаю.

— Посчитай.

Он посмотрел на журнал.

— Седьмое.

Я посмотрел на него.

— Седьмое за сегодня?

— За последние двое суток.

Я снова посмотрел на экран.

— Значит, пора остановиться.

Оператор облегчённо выдохнул.

— Наконец-то.

— И посмотреть, во что мы упёрлись.

Он перестал улыбаться.

Мы не знали, что находится там внизу. Знали только глубину. Очень большую. Настолько большую, что бурение давно перестало быть обычной геологической работой.

Объект нашли случайно. Никаких координат. Никаких легенд. Никаких древних карт. Никаких сигналов.

Просто бур. Просто земля. Просто металл, который оказался там, где его быть не должно. Когда мы впервые добрались до объекта, я подумал, что это ошибка приборов.

Такого просто не могло существовать. Мы очистили поверхность. И увидели стену. Ровную. Гладкую.

Без швов. Без следов коррозии. Без единой царапины. Я провёл рукой по поверхности. Холодная. Абсолютно гладкая.

Я постучал костяшками пальцев. Звук был глухим.

— Что это?

Никто не ответил.

Тогда я впервые подумал:

А если это не природный объект?

Военные приехали через несколько часов. Не через несколько дней. Не после официального запроса.

Через несколько часов. Я не стал спрашивать, откуда они узнали. Некоторые вопросы лучше не задавать, если хочешь продолжать работать.

Нас вывели из помещения. Через час вернули. У объекта уже стояла охрана. Мне объяснили задачу. Определить происхождение.

Расшифровать символы. Если получится — понять назначение. На поверхность были нанесены знаки. Я долго смотрел на них.

Первое впечатление было простым:

язык.

Второе:

нет. Это не язык.

Третье:

я вообще не уверен, что это письменность.

Я преподавал мёртвые языки. В этом была моя специализация. Это звучит романтично, пока не попробуешь заработать этим на жизнь.

Большинство людей считает, что мёртвый язык — это просто язык, на котором больше никто не говорит.

Нет. Мёртвый язык — это язык, который больше не может ответить тебе. Ты можешь знать грамматику.

Можешь знать слова. Можешь восстановить произношение.

Но спросить носителя:

«Что вы имели в виду?»

уже невозможно. Поэтому работа с такими языками всегда немного похожа на вскрытие. Ты пытаешься понять человека по тому, что осталось после него.

Именно поэтому символы на кубе меня заинтересовали. Они были похожи на письменность. Но вели себя не как письменность.

Повторы были. Но не там, где я ожидал. Последовательности были. Но их длина постоянно менялась.

Некоторые символы появлялись только один раз. Другие повторялись. Но не образовывали слов. Я записывал.

Сравнивал. Переставлял. Снова записывал. Ничего.

На шестой день я сказал:

— Это не текст.

Координатор посмотрел на меня.

— Тогда что?

— Не знаю.

— Вы специалист.

— Именно поэтому и говорю, что не знаю.

Он нахмурился.

— Может быть, вы просто не нашли ключ.

Я посмотрел на него.

— Возможно.

Он улыбнулся.

— Вот и ищите.

Ключ. Это слово почему-то осталось у меня в голове. Я пришёл вечером один. Выключил большую часть света.

Оставил только направленную лампу. Куб стоял посреди помещения. Неподвижный. Безмолвный. И совершенно неинтересный для любого человека, который не знает, что внутри него может находиться.

Я обошёл его. Ещё раз посмотрел на символы. И вдруг заметил закономерность. Не в самих знаках. В расстояниях между ними.

Я провёл пальцем по поверхности. Потом остановился. Один символ. Другой. Третий. Я нажал. Ничего.

Нажал на следующий. Ничего. Потом вернулся к первому. Нажал снова. И услышал щелчок.

Я до сих пор не знаю, почему нажал именно туда. Если бы меня попросили повторить это сейчас, я бы не смог.

Куб открылся. Не разломался. Не взорвался. Не распался. Он просто перестал быть закрытым. Поверхность передо мной стала прозрачной.

Я сделал шаг назад. Внутри не было деталей. Не было механизмов. Не было проводов. Не было привычной электроники.

Там была пустота. И свет. Я смотрел на него и не понимал, что происходит. Потом почувствовал, что падаю.

Я не знаю, сколько времени прошло. Секунда. Час. Год. Время исчезло. Я видел помещение. Но уже не находился в нём.

Я видел своё тело. Но не управлял им. Я пытался пошевелить рукой. Ничего. Попытался закрыть глаза.

Ничего. Но я продолжал видеть. И слышать. И понимать. Это было самое страшное. Я понимал. Хотя не знал языка.

Передо мной были существа. Они были металлическими. Не похожими на людей. Не похожими на животных.

И всё же в их действиях было что-то знакомое. Они исследовали. Наблюдали. Измеряли. Собирали данные.

Я не мог слышать их язык как язык. Слова проходили мимо меня. Но смысл каким-то образом оставался.

Они нашли нашу планету. Изучали её.

Их интересовал вопрос:

опасны ли мы? Я не знал, почему они вообще задают такой вопрос. Мы никогда не видели ничего подобного.

По крайней мере, так я думал. Они называли нас чем-то. Я не понимал чем. Потом появился другой сигнал.

Существа замерли. Их поведение изменилось. Они ждали.

Появились другие. Они были тоже металлическими. Но разница была очевидна. Технологии. Даже мне, человеку, который смотрел на всё это через неизвестный механизм, было понятно:

эти существа находились на другом уровне. Я увидел, как первые существа получают сообщение. И понял только отдельные фрагменты.

Человечество. Продукт. Образец. Астероид. Лёд. ДНК. Я не сразу понял смысл. Потом понял. И перестал дышать.

Мы были созданы. Не эволюционировали. Не появились сами. Созданы.

Я увидел образец. Не человека. Не совсем. Часть органического материала. Из него они создавали людей.

Я не понимал всех подробностей. Но понимал главное. Наша жизнь не началась на Земле. Кто-то принёс материал сюда.

Кто-то решил посмотреть, что из него получится. И я впервые почувствовал настоящее одиночество.

Не то одиночество, когда ты один в комнате. А другое. Когда вдруг понимаешь, что весь твой мир может быть экспериментом.

Потом я увидел их работу. Они пытались сохранить людей. Люди умирали. Тела не выдерживали. Они меняли органы.

Создавали копии. Экспериментировали. Пытались найти способ продлить жизнь. И в какой-то момент нашли то, что искали.

Не знаю как. Не знаю где. Но я увидел людей, которые могли жить гораздо дольше обычного.

И понял:

возможно, именно поэтому они продолжали искать.

Я попытался запомнить всё. Но невозможно запомнить то, что ты не понимаешь. Поэтому я запоминал отдельные вещи.

Металл. Лёд. Человеческое тело. Других существ. Корабли. Планеты. Их работу. И одну мысль, которая почему-то казалась самой важной:

они тоже чего-то боялись. Не нас. Не в этот момент. Чего-то другого. Я не знал чего.

Потом всё исчезло. Я снова оказался в помещении. Лежал на полу. Куб стоял передо мной. Закрытый.

Я не помнил, как упал. Не помнил, сколько времени прошло. Но помнил увиденное. Я поднялся. Подошёл к поверхности.

Прикоснулся. Холод. Обычный физический холод. Я рассмеялся. Сам не знаю почему. Наверное, потому что после увиденного хотелось убедиться хотя бы в одном:

что я всё ещё нахожусь здесь. На Земле. В своей лаборатории. В своём времени.

Я записал всё, что помнил. Потом удалил половину. Потом восстановил. Потом снова удалил. Некоторые вещи звучали настолько абсурдно, что я не мог решить, стоит ли им верить.

Поэтому оставил только наблюдения. Без выводов. Так меня учили. Факт отдельно. Гипотеза отдельно.

Вывод отдельно. Иначе исследователь превращается в писателя. А я пока ещё хотел оставаться исследователем.

Я доложил коллегам. Они сначала решили, что у меня нервный срыв. Потом посмотрели записи. Потом вызвали военных.

Я уже понял, что сделал ошибку. Куб не должен был становиться общим достоянием. Но было поздно.

Через несколько дней я вернулся к нему. Я снова посмотрел на символы. Теперь они казались другими.

Не потому, что изменились. Изменился я. Раньше я видел неизвестную письменность. Теперь видел дверь.

И понимал самое неприятное:

я не знал, куда она ведёт. Я знал только, что кто-то однажды уже прошёл через неё.

Перед тем как уйти, я ещё раз посмотрел на куб.

И подумал:

если эти существа действительно исследовали нас, если они действительно нашли нашу планету, если они действительно знали о нашем происхождении,

то возникает простой вопрос. Кто оставил после себя эту дверь? Я тогда ещё не знал ответа. И даже не подозревал, насколько далеко от Земли придётся искать.

Глава 5. Подземный город

Я не знаю, когда именно нас начали считать устаревшими. Наверное, не в тот день, когда это объявили.

Гораздо раньше. Возможно, в тот момент, когда появилась возможность заменить человека машиной. Или когда машина научилась делать то же самое быстрее.

Или когда выяснилось, что человек с эмоциями принимает решения хуже человека без них. Я не знаю.

Я знаю только дату, когда это стало официальным. Именно в этот день нас вызвали в зал. Нас было сто пятнадцать.

Все специалисты. Учёные, инженеры, аналитики, врачи, программисты, специалисты по добыче информации.

Люди, которые ещё недавно считались необходимыми. Теперь мы сидели в одном помещении и ждали человека, которого большинство из нас никогда не видело лично.

Роберта Вайнштейна.

До этого я работал агентом по добыче информации. Работа называлась именно так. Не шпионом. Не разведчиком.

Не наблюдателем. Агентом по добыче информации. Название придумали юристы. Наверное, чтобы слово «шпион» не появлялось в документах.

Мы искали всё. Новые разработки. Новые лекарства. Новые способы производства энергии. Новые материалы.

Военные технологии. Работа была хорошей. Оплачивалась хорошо. Рисковать приходилось редко. А потом появились слухи.

Говорили, что Вайнштейн создал закрытую группу. Говорили, что люди внутри неё работают быстрее остальных.

Говорили, что они используют технологии, которых нет больше нигде.

Говорили, что некоторые разработки появляются у Вайнштейна раньше, чем их официально создают те, кто их придумал.

Я не верил. Пока не увидел результаты своими глазами.

Первое, что мне показали, был город. Не настоящий. Модель. Но настолько подробную, что разница уже не имела значения.

Подземный комплекс. Глубоко под поверхностью. Частично под водой. Город. Не убежище. Именно город.

Жилые здания. Лаборатории. Производственные комплексы. Системы энергоснабжения. Транспорт. Парки.

Улицы. Даже небо.

Я спросил:

— Зачем здесь небо?

Человек рядом со мной ответил:

— Чтобы вы не чувствовали себя под землёй.

Я усмехнулся.

— А если я знаю, что нахожусь под землёй?

— Тогда вам придётся научиться не обращать на это внимания.

Я тогда не понял, что он имел в виду.

Когда в зал вошёл Вайнштейн, все замолчали. Он был старше, чем я ожидал. Но выглядел здоровым. Слишком здоровым.

Он посмотрел на нас. Не как на толпу. Он смотрел на каждого отдельно. Потом начал говорить.

— Вы уже выбраны.

Никто не понял.

Он продолжил:

— Не для работы. Для будущего.

На экране за его спиной появилась модель города.

— Сегодня вы покинете привычный мир и отправитесь туда, где мы сможем построить новый.

Кто-то спросил:

— А остальные?

Вайнштейн посмотрел на него.

— Остальные продолжают жить.

И всё. Никакого объяснения. Я тогда впервые подумал, что это не награда. Но ещё не понял, что это.

Он говорил о будущем. О технологиях. О ресурсах. О том, что существующая цивилизация слишком медленно развивается.

О том, что человечество тратит огромное количество времени на то, чтобы спорить, кому принадлежит то или иное решение.

О том, что эмоции мешают принимать правильные решения.

Потом он сказал:

— С момента въезда в город мы отключим любое проявление эмоций.

В зале стало тихо. Я подумал, что ослышался. Кто-то засмеялся. Вайнштейн не улыбнулся.

— Не бойтесь. Вы не перестанете быть людьми.

Эта фраза почему-то прозвучала хуже всего.

Он объяснил принцип. Мы не должны были становиться роботами. По крайней мере, он не использовал это слово.

Нам предстояло пройти процедуру, которая должна была изменить работу организма. Убрать ненужные реакции.

Снизить влияние страха. Убрать эмоциональные колебания. Сделать человека более эффективным.

Вместо:

«Я боюсь».

Должно было появиться:

«Опасность существует. Что необходимо сделать?»

Вместо:

«Мне жалко».

—

«Потери неизбежны. Как уменьшить их количество?»

Вместо:

«Я хочу».

—

«Что необходимо для достижения результата?»

Вайнштейн говорил спокойно. Почти буднично. И, что хуже всего, иногда я соглашался с ним.

После выступления нам показали город. У меня до сих пор сохранилось первое впечатление. Тишина.

Не абсолютная. Рабочая. Везде что-то происходило. Транспорт двигался. Работали установки. Люди разговаривали.

Где-то шёл дождь. Настоящий. И вода стекала по стеклу огромного купола. Я посмотрел вверх. Над нами находилась толща земли и воды.

А над ней — поверхность. Но внутри города всё было устроено так, будто мы действительно находились снаружи.

Температура соответствовала поверхности. Был свет. Был ультрафиолет. Была смена времени суток. Даже климат.

Я спросил инженера:

— Откуда энергия?

Он ответил:

— Вода.

— Только вода?

— В основном.

Потом добавил что-то про движение водных масс и добычу энергии из нейтронного ядра планеты. Я не понял половины.

Но понял главное. Энергии было достаточно. Очень много.

На следующий день начались тесты. Кровь. Мозг. Память. Реакции. Поведение. Нас проверяли постоянно.

Мы стали понимать, что проект намного серьёзнее, чем нам говорили. Некоторые начали задавать вопросы.

Им отвечали. Некоторым — нет. Через неделю один из наших исчез. Нам сказали, что его перевели. Через две недели исчезли ещё трое.

Потом перестали объяснять. Я начал записывать всё. Именно поэтому сейчас могу рассказать. Если эти записи вообще когда-нибудь выйдут наружу.

Вайнштейн говорил, что мы должны стать кузнецами будущего человечества. Мне понравилось это выражение.

Тогда. Теперь не уверен. Кузнец работает с материалом. Нагревает. Ударяет. Охлаждает. Снова нагревает.

Пока материал не приобретает нужную форму. Наверное, в этом и заключалась идея. Человек — материал.

Его можно изменить. Можно убрать лишнее. Можно добавить нужное. Можно проверить результат. И если результат плохой — попробовать ещё раз.

Потом нам показали первую лабораторию. Я увидел там вещи, которые не могу описать. Не потому, что запрещено.

Потому что я не знаю, как они работали. Некоторые технологии выглядели настолько простыми, что казались примитивными.

Другие были настолько сложными, что я даже не мог определить их назначение. И всё это работало.

Вайнштейн ускорял разработки. Один проект следовал за другим. Новые материалы. Медицина. Энергетика.

Системы управления. Биология. Мы получали результат быстрее, чем успевали его осмыслить. И это было страшно.

Не потому, что технологии были опасными. А потому, что мы перестали понимать, как быстро меняется мир.

Я начал замечать изменения в людях. Сначала маленькие. Человек перестал спорить. Другой перестал смеяться.

Третий перестал спрашивать, зачем. Они просто выполняли задачи. Сначала мне это понравилось. Производительность выросла.

Ошибок стало меньше. Работа шла быстрее. Потом я заметил кое-что ещё. Один из инженеров получил сообщение о смерти матери.

Он прочитал его. Положил терминал на стол. И продолжил работу.

Я спросил:

— Ты в порядке?

Он посмотрел на меня.

— Да.

— Мама умерла.

— Я знаю.

— И тебе...

Я не договорил. Он пожал плечами.

— Это не влияет на текущую задачу.

Я больше ничего не спросил.

Прошло несколько месяцев. Город менялся. Мы тоже. Нам говорили, что это только начало. Что дальше будет ещё быстрее.

Что нам нужно перестать думать о Земле как о единственном доме.

И тогда впервые прозвучало слово:

космос. Не как мечта. Как проект. Создание транспорта. Защита от радиации. Двигатели. Автономные системы.

Планеты. Терраформирование. Мы должны были научиться менять чужой мир так, чтобы он подходил человеку.

Я сидел на лекции и смотрел на изображение пустой планеты.

И думал:

Зачем? На Земле ещё миллиарды людей. Зачем лететь куда-то ещё? Ответа я не получил.

Через год я уже почти не задавал вопросов. Не потому, что перестал быть любопытным. Просто вопросов становилось слишком много.

А ответов — слишком мало. Однажды мне показали список. В нём было несколько тысяч фамилий. Люди, которые должны были работать в новом проекте.

Я спросил:

— Сколько нас?

Мне ответили:

— Десять тысяч.

Я посмотрел на число.

— Десять тысяч?

— Да.

— А зачем столько?

Мне улыбнулись.

— Представь, что будет, если десять тысяч человек получают доступ к тому, что сейчас доступно одному.

Я понял, о ком речь. О Вайнштейне. И впервые почувствовал не восхищение. Страх.

Потом настал день, когда я понял, что мы не участники проекта. Мы — его результат. И одновременно его контрольная группа.

Мне передали документы.

Там стояло:

«Контрольная группа: 115 человек».

Я перечитал. Потом ещё раз. Сто пятнадцать. Все мы. Агенты по добыче информации. Представители прежней системы.

Люди, которые знали, как работал старый мир. Люди, которые должны были сравниваться с теми, кто будет жить здесь.

Я спросил:

— Контрольная группа чего?

Ответа не последовало. Мне стало понятно. Нас не собирались просто обучать. Нас собирались сравнивать.

Смотреть, насколько далеко можно изменить человека.

Я написал последнее сообщение семье. Не потому, что был уверен, что его получат. Наоборот. Я почти не верил.

Но мне нужно было написать. Я написал сестре. Она работала медсестрой в компании. Жене. Она занималась изъятием органов.

Сыну. Он мечтал вырасти и написать книгу о Вайнштейне. Отцу. Он ненавидел компанию и спился после того, как потерял работу.

Матери. Она преподавала лечебное дело, но уже не могла освоить новую программу. Я написал им, что люблю их.

Самое простое, что можно сказать человеку. И самое трудное, если не знаешь, услышит ли он.

Через несколько часов нас начали переводить. Я стоял у входа в город. Последний раз посмотрел вверх.

Там, над нами, была Земля. Обычная. Старая. Шумная. Эмоциональная. Глупая. Медленная. Человеческая.

А передо мной открывались ворота города. Я не знал тогда, что будет дальше. Не знал, что именно с нами сделают.

Не знал, кем мы станем. Но знал одно. Вайнштейн не собирался просто спасти человечество. Он собирался переделать его.

И, возможно, именно поэтому выбрал нас. Чтобы однажды было с чем сравнить. Я вошёл. Двери закрылись.

И впервые за всю жизнь я понял, что могу больше никогда не увидеть небо.

Глава 6. Дети Земли

Когда я был маленьким, отец сказал мне, что Земля принадлежит людям.

Я тогда спросил:

— А кому она принадлежала до нас?

Он рассмеялся.

— Никому.

— Так не бывает.

— Почему?

— Потому что всё кому-нибудь принадлежит.

Отец подумал.

Потом сказал:

— Наверное, поэтому люди и придумали собственность.

Я запомнил этот разговор на всю жизнь. Не потому, что он был важным. А потому, что в нём впервые появился вопрос, на который никто из взрослых не знал ответа.

Откуда мы взяли?

Мы жили у реки. Небольшая деревня. Несколько десятков домов. Земля, которую обрабатывали руками.

Животные. Печь. Колодец. Дети. Очень много детей. У каждого дома обычно было несколько. У моего отца — четверо.

У соседа — шестеро. У старухи Марты — уже никто не мог точно посчитать.

Она говорила:

— Все мои.

И никогда не объясняла, кого именно имеет в виду. В деревне считалось, что дети принадлежат семье.

Но на самом деле они принадлежали всей деревне. Если один ребёнок падал в реку, бежали все. Если у кого-то не хватало еды, делились все.

Если ребёнок заболел, вокруг дома становилось тихо. Потому что болезнь одного напоминала всем о том, что жизнь вообще-то не гарантирована.

Я не знал, что такое цивилизация. Мы не называли себя цивилизацией. Мы просто жили. Сеяли. Собирали урожай.

Строили дома. Ругались. Мирились. Рожали детей. Хоронили стариков. Потом их детей. Потом детей их детей.

И постепенно замечали, что мир становится другим. Сначала появились новые инструменты. Потом новые способы обрабатывать землю.

Потом люди научились сохранять пищу дольше. Потом научились строить дома выше. Потом появились дороги.

Потом города. Мы стали уходить от рек. И возвращаться к ним. Стали путешествовать. Торговать. Воевать.

Заключать мир. Снова воевать. Чем больше становился мир, тем меньше мы понимали, зачем вообще начали спорить.

В школе нас учили истории. История была простой. Когда-то первые люди жили маленькими группами.

Потом научились пользоваться огнём. Потом выращивать растения. Потом строить. Потом писать. Потом считать.

Потом создавать государства. Потом уничтожать государства. Потом снова создавать. Мы не сомневались.

История казалась прямой линией. От первых костров — к городам. От городов — к машинам. От машин — к тому миру, в котором жили мы.

Каждое поколение становилось умнее предыдущего. По крайней мере, так нам рассказывали. Я верил.

Почти все верили.

Первый раз я усомнился на уроке истории. Учитель рассказывал о происхождении человека. Я поднял руку.

— А кто был первым?

Учитель посмотрел на меня.

— Первый человек?

— Да.

— Точно никто не знает.

— А его родители?

В классе засмеялись. Учитель тоже улыбнулся.

— У первого человека были родители.

— Тогда он не был первым.

Смех прекратился. Учитель посмотрел на меня внимательнее.

— Вопрос сложнее, чем кажется.

— Почему?

— Потому что нельзя определить точную границу.

Он подошёл к доске. Нарисовал линию.

Слева написал:

животное

Справа:

человек

— Где поставить границу?

Я пожал плечами. Он провёл пальцем по линии.

— Вот в этом и проблема.

После урока я подошёл к нему.

— А вы знаете, откуда мы взялись?

Он помолчал.

— Ты спрашиваешь про историю или про жизнь?

— Какая разница?

Он улыбнулся.

— Очень большая.

Я не понял. Тогда. Сейчас понимаю.

Я начал искать ответы. Не потому, что думал, будто найду их. Просто мне стало интересно. Сначала я читал книги.

Потом старые записи. Потом рассказы стариков. Потом религиозные тексты. Потом научные. Ответов было много.

И каждый был уверен, что именно его ответ правильный.

Одни говорили:

нас создали боги.

Другие:

мы произошли от животных.

Третьи:

человек — результат случайности.

Четвёртые:

случайностей не существует. Пятые вообще говорили, что вопрос бессмысленен. Мне больше всего нравились последние.

Потому что они хотя бы честно признавали:

мы не знаем.

У моего деда была своя теория.

Он говорил:

— Земля сама родила людей.

— Как?

— Как рождает всё остальное.

— Но растения рождаются из семян.

— А люди?

— Не знаю.

— Тогда откуда ты знаешь, что Земля не могла?

Он был старым и поэтому считал, что имеет право на подобные ответы. Я спорил. Он смеялся.

Однажды я спросил:

— А почему тогда мы выглядим одинаково?

Он ответил:

— Потому что мы люди.

— Это не ответ.

— Для тебя — нет.

— А для тебя?

Дед долго молчал.

— Для меня уже достаточно.

С возрастом я понял, что люди вообще редко нуждаются в окончательных ответах. Им достаточно ответа, который позволяет прожить следующий день.

Откуда мы взялись? Неважно. Главное — посеять. Кто создал огонь? Неважно. Главное — чтобы он горел.

Почему идёт дождь? Неважно. Главное — собрать воду. Зачем мы живём? На этот вопрос каждый придумывает ответ самостоятельно.

Но потом появился город. Я впервые попал туда уже взрослым. Он был огромным. Я раньше думал, что деревня большая.

Потом думал, что большой город. Оказалось, что нет. Всегда есть что-то большее. Чем больше становился мир, тем меньше я чувствовал себя его частью.

В деревне я знал всех. В городе я не знал почти никого. В деревне человек мог назвать тебя по имени.

В городе ты становился лицом в толпе. В деревне смерть одного человека была событием. В городе смерть одного человека становилась цифрой.

Наверное, именно тогда я впервые понял, что развитие не всегда означает приближение к чему-то хорошему.

Мы научились летать. Потом строить машины. Потом разговаривать через огромные расстояния. Потом смотреть на другие миры.

Я помню первый раз, когда увидел изображение другой планеты. Красная поверхность. Чёрное небо. Никаких деревьев.

Никаких рек. Никаких людей. Я долго смотрел.

И думал:

Интересно, была ли там когда-нибудь жизнь?

Потом подумал:

А если была? И ещё один вопрос пришёл следом. Кто-нибудь там тоже когда-нибудь спрашивал, откуда он взялся?

Однажды я вернулся в деревню. Она почти исчезла. Мой дом ещё стоял. Кривой. Старый. Но стоял. Я зашёл внутрь.

На стене всё ещё висела старая деревянная ложка. Та самая, которой отец кормил нас в детстве. Я взял её.

И вдруг понял:

всё, что я считал своим прошлым, уже стало чьей-то историей. Мой отец умер. Мой дед умер. Люди, с которыми я играл, умерли.

Но их дети продолжали жить. И их дети. Их дети. Человеческая жизнь оказалась удивительной вещью.

Отдельный человек исчезает. А человек как вид продолжает идти. Наверное, именно это мы называем бессмертием.

Не жизнь одного тела. Продолжение других.

В тот вечер я снова вспомнил вопрос, который задал отцу много лет назад.

— А кому принадлежала Земля до нас?

Теперь я мог ответить сам. Я посмотрел на реку. На поля. На старый дом. На небо.

И сказал вслух:

— Никому.

Но впервые не поверил собственным словам. Потому что если Земля действительно всегда была нашей,

почему у меня было ощущение, будто мы здесь гости?

Перед сном я открыл старую книгу. Она досталась мне от деда. В ней не было ничего особенного. Старые записи.

Рисунки. Списки имён. Даты рождений. Даты смертей. Истории нескольких поколений. Я перелистывал страницы.

Потом остановился. На одной из последних страниц был нарисован человек. Очень простой рисунок. Голова.

Тело. Руки. Ноги. Рядом стояла дата. Очень старая. Настолько старая, что я не смог определить, насколько.

Под рисунком было написано:

«Первый из нас».

Я улыбнулся. Конечно. Ещё одна сказка. Я закрыл книгу. Положил её на стол. И выключил свет.

Тогда я ещё не знал, что однажды кто-то найдёт доказательство того, что слово «первый» было написано там совершенно не случайно.

Но не потому, что человек, нарисованный на странице, действительно был первым. А потому, что до него уже кто-то существовал.

Кто-то, о ком мы ничего не знали.

Глава 7. Жатва

В тот год урожай был хороший. Я помню это потому, что отец впервые за много лет сказал:

— Зимой не голодать будем.

Он сидел на крыльце и перебирал зерно. Я стоял рядом. Смотрел, как оно падает между его пальцами.

Одно за другим. Сухое. Тяжёлое. Настоящее.

— Значит, хватит?

Отец улыбнулся.

— Если ничего не случится.

Я тогда не понял, почему он это сказал. Теперь понимаю. У нас всегда что-нибудь случилось.

Утро началось как обычно. Мать разбудила младших. Сестра пошла за водой. Я проверил ловушки. Отец ушёл на поле.

Солнце поднялось. Небо было чистым. Потом оно потемнело. Я сначала подумал, что начинается дождь.

Поднял голову. Облаков не было. Тёмное пятно двигалось слишком быстро. Я позвал отца. Он вышел из дома.

Посмотрел вверх. И замер.

— Что это?

Я не знал. Потом увидел ещё одно. И ещё. Они появились из-за горизонта. Большие. Металлические.

Без парусов. Без крыльев. Они просто двигались по воздуху. Тихо. Слишком тихо для таких размеров.

Кто-то закричал. Потом закричали все. Люди начали выбегать из домов. Дети плакали. Кто-то побежал к реке.

Кто-то спрятался в сарае. Кто-то просто стоял и смотрел. Я тоже стоял. Пока одна из машин не опустилась ниже.

Тогда стало видно, что это не машина. Не совсем. На её поверхности двигались фигуры. Металл. Руки.

Ноги. Головы. Они были похожи на людей настолько, насколько железная статуя может быть похожа на человека.

Отец схватил меня за плечо.

— Домой.

— Что это?

— Домой!

Я побежал.

Первый выстрел я услышал уже возле дома. Не было огня. Не было взрыва. Просто человек впереди меня упал.

Я даже не понял почему. Потом рядом с ним упал второй. Мать закричала. Отец толкнул нас внутрь.

— В подвал!

Мы не успели. Дверь распахнулась. На пороге стояло металлическое существо. Я впервые увидел его близко.

Оно было выше меня. Гладкая поверхность. Никаких глаз. По крайней мере, я не увидел. Вместо лица — тёмная полоса.

Оно посмотрело на отца. Потом на мать. Потом на нас. В руке что-то блеснуло. Отец встал перед нами.

— Не трогайте их.

Существо ничего не ответило. Оно просто подняло руку. Я закрыл глаза. И услышал удар. Когда открыл, отец лежал на полу.

Живой. Но не двигался. Мать бросилась к нему. Её схватили.

После этого всё превратилось в беготню. Людей вытаскивали из домов. Не всех. Только некоторых. Это было первое, что я заметил.

Если они хотели нас убить, почему не убивали всех? Соседа забрали. Его жену — нет. У одного дома забрали троих.

Четвёртого оставили. Моего младшего брата не тронули. Меня — забрали. Я кричал. Мать кричала. Брат держался за её платье.

Я попытался вырваться. Металлическая рука сжала плечо. Боли почти не было. Именно это испугало меня сильнее всего.

Существо было настолько сильнее человека, что ему даже не приходилось причинять боль. Оно просто решало, куда тебе идти.

Нас сводили в одно место. Десятки. Потом сотни. Кто-то сопротивлялся. Кого-то били. Кого-то просто поднимали с земли и несли.

Я видел стариков. Женщин. Мужчин. Детей. Некоторые плакали. Другие молчали.

Один мужчина всё время повторял:

— За что?

Он спрашивал каждого, кто проходил мимо.

— За что?

Никто ему не ответил. Я тоже не знал.

Потом я увидел, что происходит с теми, кого не забирают. Металлические существа заходили в дома.

Проверяли людей. Что-то измеряли. Иногда уходили. Иногда забирали одного. Иногда нескольких. Иногда никого.

Я смотрел на это и пытался найти закономерность. Здоровые? Возраст? Сила? Дети? Но каждый раз, когда мне казалось, что я понял правило, происходило обратное.

Забрали старого кузнеца. Оставили здорового охотника. Забрали женщину с младенцем. Оставили её соседку.

Забрали моего друга. Оставили его брата. Никакой логики. По крайней мере, той, которую я мог увидеть.

К полудню деревня почти опустела. Но не полностью. И это было самым страшным. Если бы пришли убивать, они убили бы всех.

Если бы пришли грабить, забрали бы всё. Но они делали что-то третье. Забирали людей. Только людей.

И оставляли остальных. Я видел, как один из металлических остановился возле группы оставшихся. Он посмотрел на них.

Потом на тех, кого уже загрузили. И ушёл.

Я тогда впервые подумал:

Нас не убивают. Нас собирают. От этой мысли стало холоднее, чем от страха.

Меня погрузили внутрь. Я не знал, куда. Внутри было светло. Чисто. Холодно. Людей разместили рядами.

Некоторые сидели. Некоторые лежали. Кто-то стучал по стенам. Кто-то молился. Кто-то требовал открыть дверь.

Я сел возле незнакомого мальчика. Он был примерно моего возраста.

— Ты знаешь, куда нас везут?

Он покачал головой.

— А зачем?

Снова покачал.

— А домой вернёмся?

Он посмотрел на меня. И ничего не сказал.

Дверь закрылась. Я услышал гул. Потом почувствовал, как пол под ногами начал дрожать. Мы взлетели.

Люди закричали. Кто-то упал. Кто-то ударился головой. Я прижался к стене. И впервые увидел Землю сверху.

Нашу реку. Наши дома. Наши поля. Всё становилось меньше. Меньше. Меньше. Пока не превратилось в пятна.

Я подумал об отце. О матери. О брате. О том урожае. Он ведь действительно был хорошим. На зиму должно было хватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.